
**«У ГОГОЛЯ – БЕСКОНЕЧНО СМЕШНО, А ПОТОМ – “НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ”?»
(ИНТЕРВЬЮ С ДРАМАТУРГОМ НИКОЛАЕМ КОЛЯДОЙ)**

ФК: Николай Владимирович, когда состоялась ваша первая «встреча» с Гоголем?

Н.К. Когда я был еще совсем маленький и только научился читать (а читал я много-много, хотя в селе у нас было всего две библиотеки), я читал все, что только под руку попадется, и наткнулся, конечно же, на Гоголя. Прочитал «Ночь перед Рождеством» и увидел там в самом начале такую сноску – достаточно известную: *«Колядовать у нас называется петь под окнами накануне рождества песни, которые называются колядками... Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает?»*. Я был очень удивлен, увидев свою фамилию. Отец у меня украинец, и фамилия украинская, красивая, но тогда мне казалось, что она при-

думанная, смешная. И вдруг неожиданно встретил ее у Гоголя. Надо же, написал про мою фамилию! Тогда я и обратил внимание на творчество Николая Васильевича. И с тех пор очень нежно к нему отношусь. Перечитывал все, что написано Гоголем, наверное, тысячу раз. Всегда любил его и люблю до сих пор, потому что это невероятный писатель. Не могу даже сказать, какой текст у Гоголя люблю больше всего, – все замечательно. «Мертвые души» – шедевр, любую строчку бери, читай-перечитывай, наслаждайся.

ФК.: Вы пишете довольно много инсценировок, в том числе по мотивам произведений Гоголя. Почему такое внимание к текстам этого классика?

Н.К.: Да, с Гоголем у меня и как у драматурга, и как у режиссера много связано. У каждого «обращения к Гоголю» – своя история. Началось все с Лии Ахеджаковой, которая попросила меня написать для нее «Старосветские помещики» (потом я назвал пьесу «Старосветская любовь»). Я взялся за дело, сидел в Логиново и писал. Работал сначала трудно: писал и думал: зачем мне это надо? Но на середине пьесы вдруг понял, что пишу про своих родителей, своих маму и папу, и мне вдруг стало так легко. Работа пошла очень быстро, просто. Наверное, поэтому у пьесы такая долгая жизнь. «Старосветскую любовь» поставил Валерий Фокин, очень известный, талантливый режиссер, и Ахеджакова вместе с Богданом Ступкой довольно долго играли эту пьесу – 6 или 8 лет. Приятно, что и сейчас пьесу ставят разные театры (в Новосибирске, в Ростове-на-Дону). А я до сих пор радуюсь тому, что сделал такую законченную инсценировку. Раньше эта тонюсенькая повесть Гоголя не была адаптирована для театра.

Для Ахеджаковой же написал по мотивам Гоголя «Коробочку»: попробовал взять из «Мертвых душ» одного персонажа и исследовать «черты русского характера». Как Гоголь говорит: «Иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка». Вот эту «дубинноголовость» русского человека мне было интересно исследовать.

Не так давно для Ольги Аросевой я написал пьесу «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Мне кажется, я ее удачно «сложил», такая хорошая пьеса получилась. Может быть, даже поставлю у себя. Эту незаконченную повесть никто никогда не делал для театра. Был в 70-е годы спектакль на ТВ, его ставили Фокин с Табаковым, но не знаю, кто автор инсценировки и сохранился ли на видео спектакль. Я взял ранние пьесы Николая Васильевича, «склеил», добавил своего. И как-то все это удачно сложилось – получилась, на мой взгляд, законченная история.

Ф.К.: Какие из своих режиссерских работ по Гоголю вы считаете самыми удачными?

Н.К.: Наверное, «Ревизор». Я поставил его у себя в театре, на настоящей грязи. Спектакль идет уже много лет, мы возили его в разные страны – недавно, например, были во Франции, и везде Гоголь в этой постановке принимается на «ура».

Кроме того, в прошлом году в Театре Кукол я поставил пьесу «Башмачкин» моего ученика Олега Богаева, и достаточно удачно, как мне кажется. Получился хороший спектакль.

Люблю свой спектакль «Женитьба». Помню, как мы показывали его в Москве в театре «Современник» и как хохотала на весь театр Ахеджакова, как она заводила весь зал своим смехом. После спектакля зашла за кулисы и сказала мне: «Коля, это шедевр!». Очень приятно, когда Ахеджакова – великодушная артистка – говорит такие слова. Но подругому и быть не могло – это же Гоголь. Во всех трех спектаклях играет Олег Ягодин, замечательный актер. Он играет и Башмачкина, и Хлестакова, и

Подколесина. Ну и другие артисты, занятые в «Женитьбе» и «Ревизоре», очень неплохие.

Ф.К.: Как вам кажется, насколько творчество Гоголя адекватно современности?

Н.К.: Георгий Товстоногов – великий режиссер – сказал, что классика должна звучать на сцене так, как будто ты читаешь сегодняшнюю газету. Театр обязательно должен быть современным. И Гоголь абсолютно современен. Когда в Екатеринбурге проходил саммит ШОС – помните, когда все просто сдурели от того, что приехал самый настоящий «ревизор», – у нас шел спектакль «Ревизор». И надо сказать, публика хохотала до упада – все смеялись совершенно как сумасшедшие. Потому что было полное ощущение, что все показанное на сцене прямо сейчас у нас в городе и происходит. *«Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор – черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! ... Если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась».* Правда, ничего в России не поменялось: все разворовано, и беды все еще две – дураки и дороги. И не думаю, что когда-нибудь что-нибудь изменится.

Ф.К.: Вы как режиссер испытываете «сопротивление материала», когда ставите Гоголя? Легко ли работать с классическим текстом?

Н.К.: Нет, никакого сопротивления. Мне тексты Гоголя абсолютно органичны. При постановке и «Ревизора», и «Женитьбы» всегда было очень легко, весело, смешно. В работе над спектаклем главное, чтобы актеры не сидели и не скучали. А с Гоголем скучно не бывает. Артисты читают, смеются, потому что это все невероятно современно, невероятно остроумно. И репетиции не нужны – само все бежит.

Ф.К.: Вы давно преподаете в Театральном институте. С позиции человека, который учит писать, – полезен ли Гоголь молодым авторам? Интересен им?

Н.К.: В театральном институте, где я преподаю уже много лет, на каждом занятии я говорю своим студентам: что есть пьеса? Это, во-первых, *Мысль* – что-то, что я хочу сказать людям, важное, необходимое; во-вторых, *Слово* – каждое слово, как розовое яблоко, должно «кататься по тарелочке» (вспомните, как, например, Набоков любит слово, как дает читателю его «понюхать», почувствовать); ну и, в-третьих, *Характер* – интересен всякий человек, тот, который по улице проходит мимо тебя или сидит рядом с тобой. Вот это три важнейших компонента. Но если нет во всем этом боли, боли за людей, о которых ты пишешь, то ничего не получится. Театр – это когда смешно, смешно, смешно, когда

хохочу до упаду, а потом вдруг плачу. Только за это – за возможность посмеяться, а потом поплакать – люди и готовы ходить в театр. Вот у Гоголя именно так. У Гоголя – бесконечно смешно, а потом – «над кем смеетесь»? С этой точки зрения гоголевские тексты – образцы, они выстроены просто безупречно. Я очень часто при разборе пьес говорю: ну где у тебя в пьесе исходное событие? Вспомни: «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить...». Если нет исходного события, то все «рассыпается». Я пытаюсь учить будущих драматургов на текстах Гоголя, потому что они идеальны во всех отношениях.

ФК. Читают ли ваши студенты классику?

Н.К.: Большой вопрос. Конечно, я пытаюсь «заставлять», но толку от этого мало. Как можно заставить читать? Отношение у всех разное. Кому-то хочется учиться, а кому-то все равно. Кому надо – тот читает, а бить палкой не могу – это их проблемы, их жизнь. Не так давно подходит ко мне один студент,

показывает «Мертвые души» и говорит: «Во книжка! Классная! Сейчас ехал в метро, дочитал последнюю страницу. Супер-книга!». Что на это можно сказать? Ну, молодец, молодец. А студент-то второй курс закончил. В таких случаях бывает за ребят очень стыдно. Иногда произнесешь на занятии фразу из какого-нибудь знаменитого текста, спросишь: откуда цитата? И видишь 40 человек, которые смотрят на тебя и НЕ ЗНАЮТ. Ну что ж поделать? Они не понимают, что писательский труд – это невероятно тяжело. Сиди, пиши, работай. А они только говорят, говорят, хотя кого-то эпатировать, удивить. А чем можно удивить? Какими-то несусветными матами или сексом и наркотиками... Или действие происходит на небесах, или прилетел инопланетный корабль. А всего-то надо пристальнее посмотреть на жизнь вокруг – тут такие немыслимые трагедии. Хотя, что говорить, люди очень разные. Есть пытливые, талантливые, есть те, кто просто хочет получить диплом. Тут ничего не поделать. Не всем быть Гоголями.

*Беседу вели О.Ю. Багдасарян,
кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы УрГПУ,
и А.В. Титова, студент факультета русского языка и литературы УрГПУ.*